

А.В. Шалак

К ОЦЕНКЕ МАСШТАБА ГОЛОДА 1946–1947 гг.

Великая Отечественная война еще продолжает сохранять определенную святость на фоне «развенчанного» советского прошлого. Поэтому не случайно эта тема вышла на первый план в информационной войне против России. Дегероизация исторической памяти узаконивает в общественном сознании те геополитические сдвиги, которые произошли в результате разрушения СССР. Осталось «доказать», что основная вина за развязывание Второй мировой войны, а следовательно и те ужасы, которая пережила «добрая, просвещенная» Европа лежит на «сталинском режиме», то есть России. В рамках этой темы продолжают «изыскания» по проблеме голода в 1940-е гг., особенно той непростой ситуации, которая сложилась в стране в 1946–1948 гг. В них приводятся какие-то умозрительные расчеты с целью «доказать», что архивные документы приукрашивают ситуацию и не отражают настоящих размеров людских потерь. Все больше околонучных спекуляций появляется по этим вопросам в публикациях, активно размещаемых в сети Интернет. Как правило, они выдаются за студенческие рефераты по отечественной истории, не имеют ссылок на приводимые факты и предназначены для молодежи. Особенно усердствуют в этом плане украинские националисты. Приводимая цифра погибших от голода в уже мирные послевоенные годы — более двух миллионов человек — должна убедить в бесчеловечности политического режима последних сомневающихся.

Первыми из отечественных историков в начале 90-х гг. к проблеме голода 1946–1948 гг. обратились В.Ф. Зима и И.М. Волков¹. В исследовании В.Ф. Зимы «Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия» собран весьма значительный материал. Историк пишет: «Можно предположить, что в период с 1946 г. по 1948 г. умерло от голода более 1 млн чел. Вследствие голодания переболели дизентерией, диспепсией, пневмонией и др.

около 4 млн чел., среди которых было еще около полумиллиона умерших»². Автор не случайно так осторожно подходит к формулировкам («можно предположить...»), касающимся количества умерших от голода, поскольку, если опираться на архивные данные, то эта цифра вызывает, мягко говоря, большие сомнения. Этими данными начали оперировать и западные исследователи. Элман Майкл, профессор экономики Амстердамского университета (Нидерланды) в публикации, посвященной голоду 1947 г. также «предполагает», что в результате голода СССР не досчитался от одного до полутора миллионов человек³.

Однако «предположение» В.Ф. Зимы о 1,5 млн чел., умерших от голода, не исходящее из каких-либо бесспорных данных, нуждается в тщательной проверке, не говоря уже об утверждениях о двух миллионах погибших от голода. Цифры о полутора–двух миллионах погибших от голода строятся на «недоверии» к советской статистике. Насколько правомерна такая постановка вопроса? Сбором и обработкой данных о движении населения в тот период специально занимались два центральных государственных ведомства: отдел записи актов гражданского состояния (ЗАГС) Главного управления МВД СССР и отдел демографии ЦСУ при Госплане СССР. Кроме них свою статистику вело Министерство здравоохранения СССР. То есть по сути три ведомства независимо друг от друга занимались сбором и анализом текущей статистики. Между этими ведомствами не было сотрудничества. Цифры, которые приводились по системе здравоохранения и ЗАГСу нередко отличались от данных ЦСУ, которое обладало наиболее богатым банком данных, но никакой кричащей разницы в показателях не было, что позволяет вполне им доверять. При этом вся подобная информация была строго засекречена, поэтому подтасовывать ее просто не имело смысла, поскольку она не публиковалась в открытой печати. Информация всех ведомств анализировалась в ЦК ВКП(б) и Совмине СССР.

В качестве примера можно привести докладную записку Л.П. Берии, адресованную в Государственный комитет обороны на имя Сталина. Она посвящена ситуации, возникшей весной 1943 г. в районах Читинской области. Проблемы были связаны с тяжелым положением, сложившимся в сельском хозяйстве области. Еще в предвоенном 1940 г. урожайность зерно-

вых составила 5,9 ц/га. В 1941 г. она снизилась до 4,5 ц/га, а в 1942 г. не превысила 3,7 ц. Одновременно за 1942 г. произошло резкое сокращение поголовья: по лошадям на 36 950 голов, крупному рогатому скоту на 29 660 голов и свиньям на 9550 голов. В отдельных колхозах Нерч-Заводского, Сретенского, Балейского и других районов уже весной 1942 г. колхозники употребляли в пищу мясо павших животных и различные суррогаты. В ряде районов колхозники не выходили на работу из-за отсутствия хлеба.

В докладной записке Л.П. Берии приводится порайонный подсчет голодающих: не имели в начале 1943 г. продуктов питания 56 семейств в с. Калдыга, Газ-Заводского района, 112 колхозных семейств в Шахтаминском районе, в колхозах Нерч-Заводского и Быркинского районов не имели хлеба 360 чел., из них 215 чел. членов семей красноармейцев. В селах Дрмасово, Башурово и Болдуй 2-ой, Усть-Борщевка и Малка, Нерч-Заводского района, не имели хлеба 25 семей, в составе которых имелось от 3 до 9 детей. Из-за отсутствия хлеба и других продуктов в ряде колхозов имели место факты заболеваний и безбелкового опухания детей колхозников.

В записке Л.П. Берии приводятся данные и о конкретных голодающих семьях. В частности, в семье красноармейца Деренцова (с. Некрасово, Шахтаминского района) опухли от недоедания четверо детей в возрасте 5–12 лет. Факты опухания выявлены у детей Е. Кочевой в селе Некрасово, и у детей А.Т. Добрыниной, проживающей в с. Богданово. Приводится факт смерти от истощения в декабре 1942 г. колхозницы Шаршина Н.Ф. в с. Кочья, Нерч-Заводского района. Сообщается о фактах преступлений на почве голода. В с. Нижняя Хила, Шилкинского района, 7 ноября 1942 г. колхозник П.С. Суханов 1914 г. рождения, зарубил свою мать, жену, шестерых детей и выстрелом из ружья покончил с собой. В оставленной записке Суханов указал, что на преступление его вынудил голод. 19 декабря 1942 г. в с. Заренском, Ильдикане, Газ-Заводского района, 17-летний Веслопалов Иннокентий, при участии 15-летнего брата, убил 12-летнего К.Т. Корнилова, пригласив его к себе в землянку. Труп был ими разрублен и использовался в пищу. Немедленная помощь требовалась на 10 марта 1943 г. 1473 семьям колхозников⁴.

В аналогичной записке Л.П. Берии на имя Сталина, Молотова и Маленкова от 17 апреля 1945 г. описывается география голода в Бурят-монгольской АССР. Сообщается, что в течение февраля–марта 1945 г. в Кяхтинском и Кударинском аймаках от алиментарной дистрофии умерло более 35 чел. Произведенным Наркомздравом БМА ССР обследованием было выявлено пораженных алиментарной дистрофией в Кударинском аймаке 2000, Кяхтинском — 1100, Селенгинском — 50 и Прибайкальском — 50 чел. Также как и в записке по Читинской области сообщается о выявленных фактах употребления некоторыми колхозниками на почве голода мяса павших животных и собак, а также о «резком увеличении» уголовной преступности, главным образом, кражах скота и квартирных кражах. В частности, за январь–март 1945 г. в Кяхтинском аймаке было совершено 103 уголовных преступления, из которых 12 случаев кражи скота и 62 квартирные кражи. В Кударинском аймаке в первом квартале 1945 г. было совершено 40 уголовных преступлений, из них краж скота 11 и 20 квартирных краж⁵.

Доведение такой детальной информации до высшего руководства страны вряд ли может быть свидетельством «недостовой статистики», либо невнимания политического режима к данной проблеме. В докладных записках, направляемых членам Политбюро, фигурируют такие мелкие детали, примеры подушевого учета голодающих и остро нуждающихся в помощи в конкретных местностях, что «сомнения» о сокрытии информации, либо недостоверности информации могут возникнуть в голове людей, пишущих не в познавательных, а в развлекательных целях (как Э. Радзинский), либо откровенно провокационных. Не случайно работы последних издаются на деньги Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, института «Открытое общество» (Фонд Сороса) и многих других западных «неправительственных» организаций.

Все доклады и сводки официальной отчетности, направленные правительству, отмечают ухудшение показателей естественного движения населения в 1947 г. по сравнению с 1946 г.: спад рождаемости и рост смертности, особенно детской, общее сокращение численности населения. Но при этом отмечается, что в целом по стране прирост родившихся в 1947 г. против 1946 г.

был на 9% больше. Однако насколько корректно чуть ли не все болезни и летальные исходы от них привязывать к проблеме голода? Прямое отношение к последствиям голода имеют такие болезни как дистрофия и «септическая ангина». Неурожай и голод 1946–1948 гг. коснулся трех республик Советского Союза: Молдавии, Украины и России. Согласно данным Министерства здравоохранения, больных с диагнозом «дистрофия» всего по РСФСР в этот период насчитывалось 600 тыс., на Украине — более 800 тыс., в Молдавии — более 300 тыс. В документах из сибирских областей чаще всего упоминаются Забайкалье, Хакассия, Новосибирская, Кемеровская, Томская области. Таким образом, не менее 1,7 млн чел. в СССР числились «официально голодающими». Максимальный показатель смертности от дистрофии достигал 10% от общего числа людей, которым был поставлен данный диагноз. В 1947 г. этот показатель был характерен только для Молдавии, где была наиболее тяжелая ситуация. По Украине и России уровень смертности от дистрофии не превышал 5%. По данным Министерства здравоохранения РСФСР, в апреле 1947 г. было зарегистрировано 372,3 тыс. больных алиментарной дистрофией, а в мае того же года их численность возросла до 507,7 тыс., из них умерли 706 чел.⁶ То есть на этот период показатель смертности от дистрофии не превышал 0,15%. Но даже если исходить из максимального показателя (10%), то непосредственно голод мог стать причиной смерти не более 200 тыс. чел.

Нужно прибавить к этому числу умерших от ряда сопутствующих болезней, из которых чаще всего исследователи ссылаются на «септическую ангину». Но от септической ангины умирали немногие, и эти случаи тщательно фиксировались. Заболевание, получившее название «септическая ангина» впервые было зафиксировано в 1932 г. в ряде районов Урала и Западной Сибири. Оно характеризовалось резким снижением белых кровяных телец в крови, высокой температурой, некрозами в зеве и полости рта, кровоизлияниями на коже. Смертность от ее колебалась тогда от 17 до 50%. Ежегодно заболевало несколько тысяч человек. Заболевания возникали весной после употребления в пищу зерна (проса, пшеницы, ржи, гречихи и др.), зимовавшего в полях под снегом. Врачи тогда не знали способа лечения коварного заболевания. В предвоенные годы это заболевание практически

не встречалось, но в 1943–1944 гг. количество заболеваний снова сильно подскочило вверх. Пик заболеваемости приходился на 1944 г., когда численность учтенных заболевших достигала 173 тыс. чел., из которых умерло примерно 28 тыс. До 80–85% больных и умерших было в России, а самая высокая заболеваемость наблюдалась в Куйбышевской, Чкаловской, Ульяновской областях, Башкирской, Татарской АССР и др.

Работы, проводившиеся в ряде научно-исследовательских институтов в годы войны, приблизили медиков к пониманию причин заболевания. Когда стало окончательно ясно, что причиной заболевания становится ядовитое зерно, по рекомендации Народного комиссариата здравоохранения СССР 31 декабря 1943 г. был подготовлен специальный приказ № 38 уполномоченного ГКО «О мероприятиях по предупреждению и борьбе с септической ангиной».

Сведения о заболеваемости септической ангиной и смерти от нее также тщательно фиксировались. В справке председателя Совмина РСФСР констатировалось, что в 1945 г. заболело 193 чел., из них умерло 42; в 1946 г. соответственно — 615 и 90; в 1947 г. — 2857 и 2247. По этим данным видно, что в 1947 г. смертность была в 2,5 раза выше, чем в 1946 г., но ни о каких миллионах заболевших и сотнях тысяч умерших они не свидетельствуют. К этому времени медики научились правильно диагностировать болезнь, от чего в наибольшей степени зависел успех выздоровления, а на государственном уровне еще в годы войны принят ряд мер по профилактике этого заболевания, главной из которых являлся учет полей с неубранным осенью урожаем. Эти смертоносные поля брались под строгую охрану.

В.Ф. Зима включает в число умерших от голода и тех, кто умер от различного рода эпидемий, включая тиф, а также дизентерии. Одним словом, получается, что чуть ли не у всех умерших причиной смерти являлся голод. Вспышки эпидемических заболеваний неоднократно отмечаются в течение 1940-х гг., но напрямую они никак не обусловлены голодом. Как правило, это было связано с перемещением огромных масс населения (эвакуация, реэвакуация, репатриация, мобилизация на различные работы, демобилизация и др.), что способствовало быстрому распространению эпидемий, которые не могли предотвратить санитарно-

эпидемиологические мероприятия, весьма эффективные для своего времени. В первые послевоенные годы в этом отношении гораздо более тяжелым было положение на территориях, подвергшихся оккупации, — а на них находилось около 40% населения страны. Экономика там была разрушена до предела, а большая часть жилья уничтожена. Множество людей обитало в землянках и жалких хибарках и употребляло в пищу то, что в нормальных условиях никак не считается съедобным. Это и стало причиной высокого уровня эпидемических заболеваний в первые послевоенные годы. Видеть в этом козни политического режима могут только явно политически ангажированные исследователи.

Кроме этого нельзя не учитывать и другие причины сокращения населения в первые послевоенные годы. Многие люди умирали тогда от полученных ран (так, к концу войны только в госпиталях находилось более миллиона раненых) и увечий; кроме того, в это время продолжалась эмиграция из СССР (главным образом, поляков и немцев), которая в целом составила 5,5 млн чел.⁸

Отметим также, что большинство авторов, утверждающих о миллионах умерших от голода, исходят из некой стабилизации естественного движения населения, наметившегося в 1945 г. Однако в плане условий жизни 1945 г., как и 1944 г., не являлся благоприятным для прироста населения. В это время также отмечается сокращение численности населения и голод по целому ряду регионов, в том числе и в Восточной Сибири⁹. После войны население СССР было на 26 млн чел. меньше предвоенного. Особенно сильно пострадало село. За четыре года войны крестьянское население уменьшилось на 13,9 млн чел. или 18%. Если в тыловых районах оно составляло в 1941 г. 24,4 млн, то к 1945 г. — 17,3 млн. В среднем за каждый год войны деревня выделяла для армии и промышленности почти 10% трудоспособных крестьян. Численность трудоспособных колхозников в этих районах уменьшилась на 62,8% (18,2 млн — в 1941 г. до 11,4 млн в 1945 г.). По опубликованным ЦСУ данным общая численность населения Союза в 1953 г. исчислялась в 187,9 млн чел., т.е. была на 8 млн меньше, чем в 1940 г. Довоенная численность населения СССР была восстановлена по данным ЦСУ только в 1955 г.

Таким образом, говоря о ситуации 1946–1948 гг., отметим, что условия жизни в первые послевоенные годы были весьма

непростыми. Однако мы далеки от того, чтобы, игнорируя архивные данные и данные статистики, конкретно-историческую обстановку, приводить умозрительные расчеты и делать оценочные выводы, исходя из неких «прав и свобод», игнорируемых «сталинским режимом». К истории это не имеет никакого отношения. Нелепо навязывать оценочные суждения по ситуации 1940-х гг., опираясь на идеологию либерализма, о которой в то время вообще мало кто слышал. В годы самой жестокой войны в истории, когда на кону стояло будущее человечества, в разворачивавшихся гигантских сражениях, где фронт и тыл были, по сути, неразделимы, не было места простому человеку, с его мыслями, проблемами, чаяниями. Речь в это время шла о переустройстве мира, закреплении на приобретенных пространствах. Советская государственная машина действительно неторопливо разворачивалась к обустройству собственной территории, отдавая приоритет безопасности страны. Однако нелишним здесь будет напомнить, что именно эти усилия обеспечили мирное поступательное развитие в послевоенный период и стабильность на самом европейском континенте. Удалось создать тот производственный и военный потенциал, благодаря которому России удастся удержаться на плаву и сегодня. Но за это пришлось заплатить дорожную цену. Несмотря на критическую ситуацию на внутреннем продовольственном рынке, значительная часть запасов зерна была направлена в освобожденные европейские страны. Если в годы войны экспорт зерна сократился до минимума, то в 1946 г. было экспортировано более одного миллиона тонн. В первом полугодии 1947 г. разбронировано из государственных резервов 4,6 млн т зерна, в том числе для экспорта во Францию 0,5 млн т. Помимо Франции зерно поставлялось в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию и другие страны¹⁰. Нужно иметь в виду, что все это было на фоне глубочайшего противоречия между внешним — всемирным — величием победоносной страны и «ничтожеством» ее внутренним, по выражению В. Кожина. Если США вышли из войны сверхдержавой, на которую приходилось 50% мировой продукции, и, опираясь на эту мощь, США быстро восстанавливали экономику своих потенциальных союзников, то СССР вышел из войны с разрушенной экономикой, не обустроенными границами и при этом страна оказалась

теперь один на один с объединенным Западом. Не учитывать данные обстоятельства невозможно при оценке условий жизни населения периода 1946–1948 гг.

Примечания

¹ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19.

² Зима В.Ф. Указ. соч. С. 170.

³ Элман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обзорные / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2005. Вып. 10. С. 197–199.

⁴ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 3-п., оп. 1, д. 1503, л. 6.

⁵ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 1-п, оп. 1, д. 4334, л. 10–12.

⁶ Голодомор 1946–47 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.revolution.allbest.ru/history/00096425_0.html.

⁷ Там же.

⁸ Кожинов В. Россия. Век XX. Опыт беспристрастного анализа. 1939–1964. М., 1999. С. 60.

⁹ См. более подробно: Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск, 2000. С. 51–71; Его же. Голод в Восточной Сибири в 1940-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 1999. Иркутск, 1999. С. 219–226.

¹⁰ Попов В.П. Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 29.